

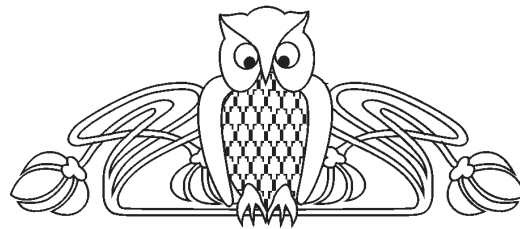

УДК 316.6

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРИВЕРЖЕННОСТЬ СВОЕЙ СТРАНЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА СООТНОШЕНИЯ КОНСТРУКТОВ

С. В. Фролова

Фролова Светлана Владимировна, кандидат философских наук, доцент, кафедра консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, frolovasv71@mail.ru

Возрастание мобильности и миграционных процессов в современном мире делает особенно актуальным изучение проблем приверженности человека большим устойчивым группам и территориальным общностям. До сих пор остается неизученным вопрос о соотношении конструктов приверженности своей стране и социальной идентичности, что и определило цель настоящего исследования. Проверялась гипотеза о том, что приверженность стране и актуализируемая социальная идентичность, в частности такие ее виды как гражданская и этническая идентичность, являются самостоятельными, не коррелирующими конструктами, способными вступать в различные взаимодействия между собой и принимать различные формы соотношений. Всего в исследовании приняли участие 241 человек (73 мужчины и 168 женщин), средний возраст – 22,5 года, все граждане РФ). Установлено, что показатели приверженности своей стране не связаны с актуальной гражданской и этнической идентичностью, а положительно коррелируют с удовлетворенностью своей социальной принадлежностью и желанием ее сохранения в будущем. Делается вывод, что социальная идентичность и приверженность своей стране – это самостоятельные конструкты, способные вступать между собой в различные типы отношений и описывающие разные аспекты феноменологии переживания личностью настоящего и будущего системы своих социальных связей с миром.

Ключевые слова: приверженность стране, социальная идентичность, гражданская идентичность, этническая идентичность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-326-332

Введение

Любые социальные изменения отражаются в сознании человека и восприятии себя и окружающего мира. Все эти процессы сказываются на идентичности личности, ее ценностях, предпочтениях и эмоциональных выборах больших и малых социальных групп, внутри которых человек намеревается строить свою дальнейшую жизнь. В широком смысле под социальной идентичностью понимается процесс отождествления себя с другими людьми и социальными группами [1, с. 363]. Феномен социальной идентичности приобрел особый статус в предметном поле социальной психологии, начиная с работ Г. Тэджфела и Дж. Тернера, изучавших процесс осознания индивидом принадлежности к группе [2]. В их классическом рассмотрении социальная идентичность пред-

стает как часть индивидуальной «Я-концепции», формирующаяся из восприятия индивидом себя как члена определенных социальных групп.

В современной социальной психологии социальная идентичность рассматривается как сложная многокомпонентная структура, внутри которой выделяются религиозная, этническая, профессиональная, организационная и другие ее виды [3]. Отдельные работы посвящаются изучению феноменологии различных аспектов гражданской [4, 5] и территориальной идентичности [6]. Строятся прогнозы о влиянии социальной идентичности на миграционное поведение [7]. Последние годы исследовательское внимание все больше устремляется в сторону изучения глобальной идентичности, проблемы, риски и ресурсы которой обсуждают в своих работах Н. Р. Бухан, М. Б. Бревнер, Р. К. Вильсон, Г. Грималда, Дж. Е. Кэмерон, Т. А. Нестик, Г. Риес, А. Розенманн, Е. Фатас, М. Фодди [8–10]. Отмечается, что развитие глобализации способствует детерриториализации идентичности [10] и росту миграционных тенденций.

Несмотря на высокую частоту появления конструкта социальной идентичности в качестве предмета научных исследований и большое разнообразие ракурсов в изучении его проблемного поля, до сих пор остается еще мало изученной проблема связи социальной идентичности и приверженности группе, активно исследуемая пока лишь в организационной психологии [11, 12]. С. А. Липатов и А. В. Ловаков, проанализировав обширный опыт различных точек зрения и проведя специальное эмпирическое исследование, установили концептуальные границы между организационной идентификацией и организационной приверженностью и пришли к выводу, что они являются близкими по своим значениям, но при этом самостоятельными конструктами, описывающими разную реальность [11, с. 79].

Актуальность исследования проблемы соотношения социальной идентичности и приверженности своей стране особенно возрастает

в условиях современного быстро меняющегося, культурно-мозаичного и мобильного мира. Проблема территориальной мобильности социального поведения сегодня приобретает большое значение в связи с возрастающими потоками не только вынужденной, но и суверенной эмиграции, оказывающейся объектом многочисленных исследований [13–16].

Приверженность своей стране, понимаемая нами как когнитивно-эмоциональное и конативное целостное образование, выражается, в первую очередь, в желании и намерении строить свою дальнейшую жизнь в пределах своей страны, привязанности к различным ее культурным, социальным и климато-географическим объектам, а также в субъективных представлениях, формируемых в тесной связи с эмоционально значащими переживаниями образов мира [17, с. 80–83].

По нашему мнению, приверженность социальной общности своей страны и социальная идентичность, в частности, такие ее виды, как этническая, гражданская, территориальная, являются самостоятельными понятиями, служащими описанию различной социально-психологической реальности. Целесообразность использования понятия приверженности большой устойчивой группе как отличного от понятия социальной идентичности обусловлена рядом причин. Во-первых, социальная идентичность является продуктом самосознания, сложных когнитивных процессов личности и отражает функционирование части «Я-концепции». Приверженность группе представляет собой основополагающий тип связи личности и группы, ориентированной на долгосрочную перспективу. Социальную идентичность можно понимать как восприятие человеком своего единства с группой, приверженность – как желание и готовность продолжать оставаться дальше в группе.

Во-вторых, социальная идентичность может быть как положительной, так и отрицательной; приверженность социальной общности может основываться только на положительном эмоциональном выборе – предпочтении данной группы.

В-третьих, социальная идентичность основывается на воспринимаемом сходстве и подобии индивидуальных характеристик с характеристиками членов группы; приверженность группе основывается преимущественно на совокупности характеристик и ресурсов группы, которые делают факт членства в ней привлекательным для личности. По этой причине процессы частичной деперсонализации, свойственные социальной идентичности при формировании чувства «мы», совершенно не обязательны при формировании приверженности группе.

В-четвертых, социальная идентичность – социально-психологический феномен, связанный с настоящим временем личности и легко поддающийся изменениям; приверженность группе может быть связана с прошлым, ориентирована преимущественно в будущее время жизни личности и носит устойчивый характер.

В-пятых, приверженность группе и социальная идентичность различаются по локусу направленности: социальная идентичность личности направлена на себя, приверженность группе на ее социальную общность.

В-шестых, различия в феноменологии, стоящие за разными понятиями, могут определяться ключевыми вопросами, используемыми для ее обнаружения и измерения. Такими вопросами, используемыми для обнаружения социальной идентичности, являются вопросы «Кто я?» и «Чувствую ли я себя частью данной группы?». Приверженность социальной общности или группе определяется вопросом «Хочу ли я продолжать и дальше оставаться внутри данной группы?», «Хочу ли я связать свое будущее с данной группой?».

В-седьмых, на существование различий между понятиями «приверженность стране» и «гражданская идентичность», «этническая идентичность» указывают факты возможных содержательных несовпадений в стоящей за ними феноменологии. Например, в современном мире можно считать себя русским человеком, но при этом планировать обязательный переезд на постоянное место жительства в Германию. Или, например, можно обладать глобальной идентичностью, считая себя человеком мира, не относя к какой-либо национальности, и при этом желать обязательно жить в России.

Целью нашего эмпирического исследования стал анализ соотношения гражданской и этнической идентичности с выраженностью приверженности своей стране. Проверялось предположение, что приверженность стране и актуализируемая социальная идентичность являются самостоятельными, не коррелирующими конструктами, способными вступать в различные взаимодействия между собой и принимать различные формы соотношений. Дополнительно нами проверялась гипотеза о том, что приверженность своей стране положительно взаимосвязана с таким феноменом, как совпадение желаемых и актуальных форм этнической и гражданской идентичности.

Выборка и методика исследования

В исследовании приняли участие 241 человек (73 мужчины и 168 женщин) в возрасте от 19 до 29 лет (средний возраст – 22,5 года), все граждане РФ. Для проверки гипотез использовались следу-

ющие методики: авторский опросник «Приверженность своей стране», позволяющий измерять выраженность общей приверженности стране и таких ее видов, как эмоциональная, когнитивная, социальная, экономическая, природно-климатическая, культурная [18, с. 93–97]; тест М. Куна и Т. Маркпартленда «Кто Я?», используемый для изучения содержательных характеристик идентичности личности, в том числе и для изучения структуры и особенностей социальной идентичности; структурированное психологическое интервью, направленное на выявление желаний (или его отсутствия) изменить что-либо в своей гражданской и этнической идентичности и изменить страну постоянного места жительства; методики «Типы этнической идентичности» и «Этническая аффилиация», разработанные Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой [19, с. 71–76].

В связи с содержательными различиями используемых инструментов, позволяющих выявлять нюансы отнесения себя к различным социальным группам и общностям, мы попытались более четко операционализировать разные стороны изучаемого конструкта. Тест Куна и Маркпартленда «Кто Я?» предлагает испытуемому очень большую свободу для спонтанных ответов и позволяет выявлять в чистом виде осознание личностью самой себя и актуализировать значимые аспекты своего «Я», в том числе и в связи с переживанием своей принадлежности к социальным группам. Социальную идентичность, выявляемую с помощью теста Куна и Маркпартленда «Кто Я?», предоставляющего очень широкую свободу для идентификации, мы обозначили как *актуальную социальную идентичность*, следуя логике спонтанного возникновения в сознании в первую очередь субъективно значимых представлений в условиях неограниченного выбора при самоопределении.

Психологическое интервью, используемое нами в исследовании, содержало вопросы: к какой национальности себя относят испытуемые и кем бы они хотели быть по национальности; гражданство какой страны они хотели бы иметь. Этническая идентичность, определяемая специальным открытым вопросом интервью, была обозначена нами как *направленная (заданная) форма реальной этнической идентичности*. Помимо этих двух форм социальной идентичности были также выделены *желаемая этническая идентичность* и *желаемая гражданская идентичность*, которые выявлялись при помощи ряда вопросов субъективного психологического интервью.

В целях повышения достоверности получаемых данных и искренности ответов испытуемых все исследование проводилось анонимно.

Статистически-математическая обработка эмпирических данных осуществлялась при помощи программы SPSS Statistics 17.0, в качестве основных методов обработки использовались критерий корреляции Пирсона и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования и их обсуждение

Психологическое интервью позволило установить, что однозначная (без выражаемых сомнений) приверженность своей стране без намерений надолго ее покинуть характерна для 36% выборки; приверженность стране с намерением временно пожить (более одного года) в другой стране встречается у 37,6% опрошенных.

Актуализация этнической и гражданской идентичности в ходе проведения теста Куна и Маркпартленда «Кто Я?» обнаружена лишь у небольшой части выборки – у 17,5 и 13,5% соответственно. Поскольку данный тест предполагает свободное и спонтанное продуцирование ответов, отражающих осознание испытуемыми себя «в чистом виде», в условиях отсутствия внешнего направленного влияния, он позволяет фиксировать только значимое содержание процесса самоидентификации. Другими словами, наше исследование показывает, что значимость этнической и гражданской идентичности свойственна лишь небольшому числу обследованных молодых людей. Возможно, этот факт свидетельствует о том, что формирование социальной идентичности современных жителей России может находиться под влиянием не только роста национального и этнического самосознания [19, с. 16–25], но и другой макросоциальной [20] тенденции – возникновения нового типа глобальной социальной идентичности [8–10].

В ходе эмпирического исследования были выявлены различные типы сочетания актуальной формы гражданской идентичности с приверженностью своей стране: 1) приверженность своей стране с актуализируемой гражданской идентичностью, 2) актуальная гражданская идентичность без определенной приверженности стране, 3) приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности, 4) отсутствие приверженности стране и актуальной гражданской идентичности, 5) неполная приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности (табл. 1). Как видно из приведенных данных, самыми распространенными типами сочетания приверженности стране и социальной идентичности являются «приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности» и «неполная приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности».

Таблица 1

Распределение типов сочетания гражданской идентичности с приверженностью своей стране

Типы сочетания гражданской идентичности с приверженностью своей стране	Частота встречаемости типа, %
1. Приверженность своей стране с актуализируемой гражданской идентичностью	8
2. Актуальная гражданская идентичность без определенной приверженности стране	8
3. Приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности	31
4. Отсутствие приверженности стране и актуальной гражданской идентичности	23
5. Неполная приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности	30

Проведенный корреляционный анализ не выявил существования значимых связей между показателями приверженности своей стране и актуализируемыми (при помощи теста Куна и Маркпартленда) показателями этнической и гражданской идентичности (рисунок), что полностью подтверждает основную выдвинутую нами гипотезу о самостоятельности конструктов приверженности стране и социальной идентичности.

Изучение направленной формы этнической идентичности с помощью интервью показало, что почти все испытуемые (97%) под влиянием задаваемого вопроса без колебаний определяются со своей этнической принадлежностью. Направленная форма этнической идентичности, так же как и ее актуальная форма, не имеет корреляций с показателями общей привержен-

ности своей стране, выявляемыми при помощи авторского теста и психологического интервью.

Что же касается исследования формы желаемой этнической и гражданской идентичности, то было установлено, что для 8% выборки национальность не имеет особого значения и они не хотели бы принадлежать к какой-либо этнической группе; для 11,5% не имеет никакого значения гражданская принадлежность и они не хотели бы быть привязаны формально к какой-либо стране. 13% респондентов хотели бы сменить свою национальность, а 40,5% желали бы иметь гражданство другой (или еще другой) страны. Небольшая часть опрошенных хотели бы расширить или разнообразить свою социальную идентичность, например, путем обладания гражданством нескольких стран (табл. 2).

Таблица 2

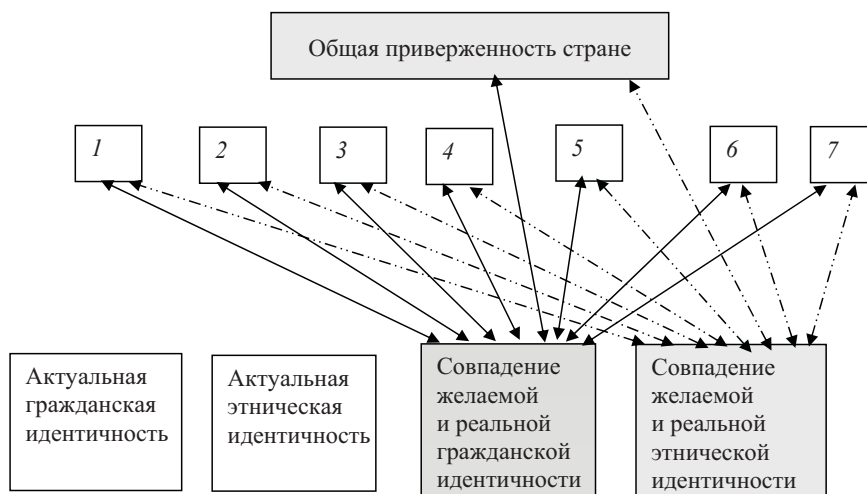
Отношение к этнической и гражданской идентичности

Тип отношения к виду социальной идентичности	Частота встречаемости (%) вида отношения	
	к этнической идентичности	к гражданской идентичности
1. Не имеет значения	8	11,5
2. Хотелось бы попробовать изменить	13	40,5
3. Хотелось бы разнообразить	3	10
4. Хотелось бы оставить все так, как есть	76	38

В отличие от актуальной социальной идентичности показатель удовлетворенности своей настоящей этнической принадлежностью (то есть полной согласованности реальной и желаемой этнической идентичности) положительно коррелирует с общей приверженностью своей стране ($r_s = 0,374, p < 0,01$ – по данным интервью; $r_s = 0,407, p < 0,01$ – по данным опросника) и различными ее видами – эмоциональной приверженностью ($r_s = 0,474, p < 0,01$), конативной ($r_s = 0,410, p < 0,01$), когнитивной ($r_s = 0,447, p < 0,01$), социальной ($r_s = 0,394, p < 0,01$), экономической ($r_s = 0,391, p < 0,01$), природно-климатической

($r_s = 0,376, p < 0,01$) и культурной ($r_s = 0,456, p < 0,01$) приверженностью стране (рисунок).

Совпадение реальной и желаемой гражданской идентичности положительно коррелирует с общей приверженностью своей стране ($r_s = 0,587, p < 0,01$ по данным интервью; $r_s = 0,573, p < 0,01$ по данным опросника) и такими ее видами, как эмоциональная приверженность ($r_s = 0,498, p < 0,01$), конативная ($r_s = 0,440, p < 0,01$), когнитивная ($r_s = 0,529, p < 0,01$), социальная ($r_s = 0,502, p < 0,01$), экономическая ($r_s = 0,537, p < 0,01$), природно-климатическая ($r_s = 0,427, p < 0,01$) и культурная ($r_s = 0,400, p < 0,01$) приверженности (см. рисунок).

Приверженность стране и социальная идентичность: соотношение показателей. Виды приверженности стране: 1 – эмоциональная, 2 – конативная, 3 – когнитивная, 4 – социальная, 5 – экономическая, 6 – природно-климатическая (географическая), 7 – культурная; \longleftrightarrow – корреляции удовлетворенности гражданской идентичностью (совпадения ее желаемой и реальной формы) с показателями приверженности своей стране; $\dashleftarrow\dashrightarrow$ – корреляции удовлетворенности этнической идентичностью с показателями приверженности своей стране

Проведенное исследование не выявило значимых корреляций между показателями приверженности своей стране и показателями методики «Типы этнической идентичности», позволяющей выявлять позитивную этническую идентичность, этноэгоизм, этнонигилизм, этноизоляционизм, этнический фанатизм. Например, показатель позитивной этнической идентичности оказывается не связанным с приверженностью своей стране ($r_{xy} = 0,346, p = 0,066$, не значимо). Этот факт может свидетельствовать о том, что формирование приверженности большой устойчивой группе и идентификация личности с представителями этой группы могут являться самостоятельными и не всегда связанными между собой процессами.

Подтверждению достоверности полученных данных о приверженности своей стране служат выявленные значимые корреляции показателей интервью и опросника «Приверженность своей стране» (двусторонняя корреляция Пирсона $r_s = 0,883, p < 0,01$).

Выраженность эмиграционных намерений, устанавливаемая при помощи одной из шкал опросника «Приверженность своей стране», отрицательно коррелирует с желанием оставаться гражданином своей (только своей) страны ($r_{xy} = -0,505, p < 0,01$), что может являться отражением одной из существенных характеристик суверенной эмиграции, предполагающей изменение гражданского статуса.

Приверженность стране (по данным интервью) коррелирует с этнической аффилиацией ($r_s = 0,319, p < 0,05$), определяемой при помощи

методики «Этническая аффилиация», что подтверждает нашу концепцию приверженности социальной общности как целостного, не только конативного, но и когнитивно-эмоционального личностного образования [17].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать основной вывод: социальная идентичность с социальной общностью своей страны и приверженность своей стране являются самостоятельными конструктами, не всегда согласующимися между собой и не всегда вступающими в тесное взаимодействие.

Самые распространенные типы сочетания гражданской идентичности и приверженности своей стране – «сформированная приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности» и «неполная приверженность своей стране без актуальной гражданской идентичности». Доминирование этих типов может являться отражением современных макропсихологических тенденций развития глобальной социальной идентичности, отсутствия сильной привязанности к месту жительства и социокультурно разнородной образной сферы личности [18, с. 49–74], формируемой в условиях мультикультурного мира.

С показателями приверженности своей стране и различными ее видами положительно коррелирует согласованность актуальной и желаемой форм этнической и гражданской идентичности, т. е. удовлетворенность своей настоящей этнической и гражданской принадлежностью.

Исходя из того, что приверженность стране не связана с актуальной социальной идентичностью, а коррелирует с желаемой и возможной в будущем социальной принадлежностью, можно говорить о том, что приверженность своей стране – конструкт, характеризующий переживания субъектом его потенциального или идеального будущего, конструируемого в условиях сохранения включенности человека в социальную общность. Понятие приверженности своей стране, задействуя эмоциональные и когнитивные стороны личности, позволяет сделать акцент на конативном компоненте переживания будущего в виде формирования устойчивого намерения продолжать оставаться членом своей социальной общности.

Список литературы

1. Почебут Л. Г., Мейжис И. А. Социальная психология. СПб., 2010. 672 с.
2. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations*. 1986. № 5. P. 7–24.
3. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб., 2008. 118 с.
4. Дробижева Л. М. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика // *Перспективы* : электрон. журн. 2014. № 9. URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/teoreticheskije_problemy_izuchenija_grazhdanskoj_identichnosti_i_socialnaja_praktika_2014-09-10.htm (дата обращения: 14.02.2016).
5. Gee G. C., Morey B. N., Walsemann K. M., Ro A., Takeuchi D. T. Citizenship as privilege and social identity: Implications for psychological distress // *American Behavioral Scientist*. 2016. Vol. 60, iss. 5–6. P. 680–704.
6. Самошкина И. С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен : дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 185 с.
7. Hogg M. A., Abrams D., Brewer M. B. Social identity : The role of self in group processes and intergroup relations // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2017. Vol. 20, iss. 5. P. 570–581.
8. Нестик Т. А. Глобальная идентичность в условиях развития современного общества // *Психологические исследования глобальных процессов : предпосылки, тенденции, перспективы*. М., 2018. С. 281–292.
9. Buchan N. R., Brewer M. B., Grimalda G., Wilson R. K., Fatas E., Foddy M. Global social identity and global cooperation // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22, № 6. P. 821–828.
10. Rosenmann A., Reese G., Cameron J. E. Social identities in a globalized world : challenges and opportunities for collective action // *Perspectives on Psychological Science*. 2016. Vol. 11, № 2. P. 202–221.
11. Ловаков А. В., Лунатов С. А. Организационная идентификация и приверженность персонала : сходство и различие // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2011. Т. 8, № 2. С. 69–80.
12. Postmes T., Tanis M., Wit B. Communication and commitment in organizations : A social identity approach // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2001. Vol. 4, iss. 3. P. 227–246.
13. Berry J. W., Phinney J. S., Sam D. L., Vedder P. Immigrant youth : acculturation, identity, and adaptation // *Applied Psychology : an International Review*. 2006. Vol. 55, № 3. P. 303–332.
14. Laurin K., Shepherd S., Kay A. C. Restricted emigration, system inescapability, and defense of the status quo : system-justifying consequences of restricted exit opportunities // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21, № 8. P. 1075–1082.
15. Miller K., Haskell Ch., Thatcher A. The relationship between intention to emigrate and organisational commitment // *South African Journal of Psychology*. 2002. Vol. 32, iss. 3. P. 16–20.
16. Sabry T. Emigration as popular culture // *European Journal of Cultural Studies*. 2005. Vol. 8, iss. 1. P. 5–22.
17. Фролова С. В. Модель факторов приверженности личности социальной общности // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 80–86.
18. Фролова С. В. Социально-когнитивные основания психологической приверженности своей стране. М., 2017. 153 с.
19. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 389 с.
20. Макропсихология современного российского общества / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2009. 352 с.

Образец для цитирования:

Фролова С. В. Социальная идентичность и приверженность своей стране: концептуальные и эмпирические основания анализа соотношения конструктов // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 326–332. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-326-332

Social Identity and Commitment to One's Country: Conceptual and Empirical Basis for Analysis of Correlation Between Constructs

S. V. Frolova

Svetlana V. Frolova, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, frolovasv71@mail.ru

The research into commitment of a person to large stable groups and territorial communities is becoming extremely topical due to greater mobility and migration processes in the modern world. The correlation of constructs of commitment to one's country and social identity has not been studied yet, which determined the goal of the given research. The author has checked the hypothesis proposing that commitment to one's country and actualized social identity, in particular such types as civil and ethnic identity, are independent constructs that do

not correlate and can interact in various ways and take the shape of various interrelations. The empirical research involved 241 citizens of the Russian Federation (73 male participants, 168 female participants; mean age=22,5). The author points out that the factors of commitment to one's country are not connected with actual civic and ethnic identity, and positively correlate with satisfaction with one's social affiliation and a desire to secure it in the future. The author concludes that social identity and commitment to one's country are independent constructs that can form various relations and describe various aspects of phenomenology of individual experience of the present and the future of the system of one's social connections with the outside world.

Key words: commitment to the country, social identity, civic identity, ethnic identity.

References

1. Pochebut L. G., Meyzhis I. A. *Sotsialnaya psikhologiya* [Social Psychology]. St. Petersburg, 2010. 672 p. (in Russian).
2. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behaviour. *Psychology of intergroup relations*, 1986, no. 5, pp. 7–24.
3. Miklyaeva A. V., Rumyantseva P. V. *Sotsialnaya identichnost lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya* [Social identity of the individual: content, structure, mechanisms of formation]. St. Petersburg, 2008. 118 p. (in Russian).
4. Drobizheva L. M. Teoreticheskie problemy izucheniya grazhdanskoj identichnosti i sotsialnaya praktika (Theoretical problems of studying civil identity and social practice). *Perspectives and prospects: electron. zhurn.*, 2014, no. 9. Available at: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/teoreticheskije_problemy_izucheniya_grazhdanskoj_identichnosti_i_socialnaja_praktika_2014-09-10.htm (accessed 14 February 2016) (in Russian).
5. Gee G. C., Morey B. N., Walsemann K. M., Ro A., Takeuchi D. T. Citizenship as privilege and social identity: Implications for psychological distress. *American Behavioral Scientist*, 2016, vol. 60, iss. 5–6, pp. 680–704.
6. Samoshkina I. S. *Territorialnaya identichnost kak sotsialno-psikhologicheskij fenomen* [Territorial identity as a socio-psychological phenomenon]. Diss. Cand. Sci. (Psychol). Moscow, 2008. 185 p. (in Russian).
7. Hogg M. A., Abrams D., Brewer M. B. Social identity: The role of self in group processes and intergroup relations. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2017, vol. 20, iss. 5, pp. 570–581.
8. Nestik T. A. Globalnaya identichnost v usloviyakh razvitiya sovremennogo obshchestva [Global identity in conditions of development of modern society]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya globalnyh protsessov: predposylki, tendentsii, perspektivy* [Psychological studies of global processes: prerequisites, trends, prospects]. Moscow, 2018, pp. 281–292.
9. Buchan N. R., Brewer M. B., Grimalda G., Wilson R. K., Fatas E., Foddy M. Global social identity and global cooperation. *Psychological Science*, 2011, vol. 22, no. 6, pp. 821–828.
10. Rosenmann A., Reese G., Cameron J. E. Social identities in a globalized world: challenges and opportunities for collective action. *Perspectives on Psychological Science*, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 202–221.
11. Lovakov A. V., Lipatov S. A. Organizatsionnaya identifikatsiya i priverzhennost personala: skhodstvo i razlichie [Organizational identification and commitment of personnel: similarity and difference]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2011, vol. 8, no. 2, pp. 69–80 (in Russian).
12. Postmes T., Tanis M., Wit B. Communication and commitment in organizations: A social identity approach. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2001, vol. 4, iss. 3, pp. 227–246.
13. Berry J. W., Phinney J. S., Sam D. L., Vedder P. Immigrant youth: acculturation, identity, and adaptation. *Applied Psychology: an International Review*, 2006, vol. 55, no. 3, pp. 303–332.
14. Laurin K., Shepherd S., Kay A. C. Restricted emigration, system inescapability, and defense of the status quo: system-justifying consequences of restricted exit opportunities. *Psychological Science*, 2010, vol. 21, no. 8, pp. 1075–1082.
15. Miller K., Haskell Ch., Thatcher A. The relationship between intention to emigrate and organisational commitment. *South African Journal of Psychology*, 2002, vol. 32, iss. 3, pp. 16–20.
16. Sabry T. Emigration as popular culture. *European Journal of Cultural Studies*, 2005, vol. 8, iss. 1, pp. 5–22.
17. Frolova S. V. Model' faktorov priverzhennosti lichnosti sotsialnoy obshchnosti [The model of individual commitment factors to social community]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.). Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 4, pp. 80–86 (in Russian).
18. Frolova S. V. *Sotsialno-kognitivnye osnovaniya psikhologicheskoy priverzhennosti svoey strane* [Socio-cognitive grounds for psychological commitment to own country]. Moscow, 2017. 153 p. (in Russian).
19. Soldatova G. U. *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of interethnic tension]. Moscow, 1998. 389 p. (in Russian).
20. *Makropsikhologiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [Macropsychology of modern Russian society]. Eds. A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich. Moscow, 2009. 352 p. (in Russian).

Cite this article as:

Frolova S. V. Social Identity and Commitment to One's Country: Conceptual and Empirical Basic for Analysis of Correlation Between Constructs. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 326–332. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-326-332